

ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ

ПИСЬМА К АНДРЕЮ

записки об искусстве

Евгений Валерьевич Гришковец

Письма к Андрею

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4573106

Письма к Андрею. Повесть: Махаон, Азбука-Аттикус; Москва; 2013

ISBN 978-5-389-05214-7

Аннотация

Эта книга – попытка ответить на вопросы об искусстве человеку, искусство любящему. Человеку, переживающему и способному к сопереживанию. Человеку, способному затрачивать своё время и силы на любовь к музыке, кино и литературе, несмотря на собственную непростую жизнь. С большим желанием помочь и поддержать в любви к искусству и в любви к жизни.

Содержание

Письмо первое	9
Письмо второе	21
Письмо третье	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Гришковец

Письма к Андрею

Как бы я хотел каждое письмо, которое вы найдёте и сможете прочесть далее, начать самыми простыми и ясными словами: «Здравствуйте, уважаемый, дорогой, любимый Андрей!» Но нет у меня такой возможности.

Будь она у меня, вряд ли решился бы я написать то, что написал...

Так уж случилось, что первое своё сильнейшее художественное впечатление в жизни я получил совершенно случайно, не будучи к нему готовым, в довольно юном возрасте. Мне было лет двенадцать, когда в маленьком кинотеатре, от нечего делать, я посмотрел кино, которое и не собирался смотреть. Это потом я узнал, что кино то сделал режиссёр Андрей Тарковский. Прежде меня не интересовало, кто делает кино, кто такие режиссёры, художники, композиторы. Писатели мне известны были только те, которые писали приключения и фантастику. После того дневного сеанса моя жизнь изменилась. Ни много ни мало. Изменилась навсегда.

Андрей Тарковский умер, когда мне было девятнадцать лет. Я был юн, служил моряком у самых восточных пределов огромной страны, но даже там, даже под присягой и с погонами на плечах я ощутил горе и пустоту утраты непонятного

мне уровня и масштаба. Я почувствовал уход самого крупного художника из тех, с кем мне довелось жить в одно время.

И хоть совсем недолго, но всё же я был его современником и навсегда останусь его соотечественником. Именно это даёт мне особо сильные чувства и некоторые права на написанное мною далее.

А уже совсем недавно я снова получил мощнейшее впечатление. И вновь получил его из рук Андрея Тарковского. Но это было уже, скорее, жизненное впечатление. Целый год я прожил, читая и перечитывая всё что только можно прочитать из написанного им, им сказанного, им продиктованного. Дневники, лекции, стенограммы выступлений, книги, интервью, комментарии, письма...

Целый год я находился в непрерывном и счастливом диалоге с этим человеком и гениальным художником. Это был именно диалог! Я слышал вопросы, адресованные всякому человеку, который предан искусству. Предан! И не важно, создаёт он искусство или любит его как зритель, читатель, слушатель. Я слышал вопросы, на которые почувствовал потребность ответить.

Я не знаю человека, жившего и живущего со мной в одном времени, который бы так был предан искусству, и только искусству... Человека столь одинокого, страдающего от одиночества, но сознательно обрекшего себя на него... Че-

ловека, жаждущего понимания своего искусства, сделавшего всё возможное для этого понимания, но не получившего его прежде всего от близких и коллег.

Я не знаю художников (в самом широком смысле этого слова) конца двадцатого века и поныне, кто служил бы искусству, как последний солдат погибшей армии, как один в поле воин.

Тарковский много писал о художнике, о его предназначении и о его миссии. Он много писал об искусстве, о сути таланта и долге человека, создающего искусство. Но он писал и о долге человека, искусство воспринимающего, о долге зрителя, читателя... Вот я и захотел написать ему, захотел сообщить ему, что он услышан.

Это был порыв! Это было простое и сильное стремление подать знак, поддержать...

То, что вы прочтёте далее – это... А что это? Это точно не теоретические статьи. В этих письмах нет и намёка на теорию. Это не манифест и даже близко не манифест. Набор ли это эмоциональных банальностей? Возможно! Эмоций и банальностей в этих письмах хватает.

Но мне хочется верить, что Андрею Тарковскому было бы радостно прочитать мною написанное. Для него там ничего нового нет. Где-то я почти копирую его стиль. Где-то почти повторяю им сказанное. Это я знаю. Но на некоторые поставленные им вопросы я всё же даю ответы. Удовлетворили бы

они его или нет — не знаю. Сомневаюсь.

Я о другой радости...

Лично я был бы рад получить письмо с попытками ответить на поставленные мною вопросы. Я написал то, чем хотел бы поддержать человека, живущего искусством! Почему? А потому что он, Андрей, сам поддерживал и поддерживает меня в моей к искусству любви. Он своей жизнью, своими картинами, своими текстами, своими высказываниями, поступками и даже снятыми им полароидными снимками помог и помогает мне удержаться от соблазнов и безумия. Он позволяет мне ощущать призвание читать, видеть, слышать и чувствовать произведения искусства, создавать искусство как важнейшую человеческую способность и важнейшее переживание.

Кто-то может обидеться на мною написанное, и даже наверняка обидится. Этого я хотел меньше всего, когда писал свои письма.

Кто-то откажет мне в праве так и писать и так рассуждать... Что ж?! Имеет полное право!

Я же писал о любви. Прежде всего о любви к жизни... А потом уже об искусстве.

Кому я написал? Андрею Тарковскому? Андрею Рублёву? Художнику? Зрителю? Читателю?.. Не скажу. Не знаю.

Я написал письма, которые не ведаю кому и как попадут в руки и на глаза. Не знаю, как и в ком они отзовутся и от-

зовутся ли вообще.

Но я написал их в надежде поддержать того, кто любит... Любит читать или писать, смотреть или снимать, исполнять или слушать... Любит искусство, любит жизнь, и кому нужна поддержка в этой любви.

Мне лично поддержка нужна...

Вот я и написал...

Андрею.

Письмо первое

Если рассматривать жизнь как череду переживаний, а именно таким образом я и хочу её рассматривать, то выясняется, что в жизни этих самых переживаний случается много больше, чем заметных событий. Событий в биографическом смысле. Любая биография и уж тем более автобиография всегда сводится к довольно короткому списку конкретных фактов: родился, учился, работал там-то, женился, дети, работал ещё там-то и там-то, переехал туда-то, снова работал... Такие факты у большинства людей одинаковы, даже несмотря на очень различные результаты и жизненные достижения. На самом же деле жизнь сводится к двум главным событиям – это к фактам и датам рождения и смерти. Между двумя этими событиями и датами стоит просто тире. Внутренние переживания человека остаются не зафиксированными в биографии. Они остаются таинственным содержанием этого самого тире между датами жизни и смерти. Но именно они и являются подлинным его содержанием, или смыслом, если хотите.

Глубина же и сила этих переживаний, их интенсивность могут быть совершенно не связаны с внешними проявлениями в виде участия человека в тех или иных больших или даже глобальных процессах, а то и исторических событиях. Например, мне представляется, что человек, участвующий

в государственном управлении, переживает много меньше, чем человек, лишённый такой возможности, но подлинно любящий свою страну и страдающий от невозможности и незнания, как что-то можно изменить или как-то повлиять на судьбу Родины. Внешние масштабы и размеры жизненных событий чаще всего не связаны с масштабом и размерами внутренних переживаний. Но именно эти, никем, кроме самого человека, не видимые переживания, а особенно их отсутствие или извращение их подлинной сути могут свести, казалось бы, наполненную разными большими или даже огромными «достижениями» и приключениями жизнь до ничтожного, никому не нужного и пустого, практически механического процесса проживания от рождения к смерти.

Жизнь, в которой не было подлинной любви, тяжёлых сомнений, жертв, настоящего, пусть даже короткого, счастья, острого ощущения непостижимости самой жизни, а стало быть, не было момента присутствия Бога... такая жизнь, сколько бы она ни была насыщена разнообразными, так называемыми результатами, всегда останется бессодержательной. Пустой!

Только интенсивность переживаний сообщает жизни её содержательность как важнейшему для человека процессу. А жизнь – это таинственный и непостижимый человеком процесс, который важен и бесценен сам по себе. Если же человеку ошибочно кажется, что важнейшим в жизни является результат, то в итоге его ждёт страшное понимание полной

бессмысленности жизни, так как в конце концов его обязательно и непременно ожидает смерть, перед которой любые достижения и результаты теряют всякий смысл и масштаб.

Но человеку приятнее и проще жить результатами. Результаты понятны, видны и осязаемы. Тем самым они доставляют радость. Но главное, что они ПОНЯТНЫ и по этой причине кажутся бесспорными.

Например, человек стал президентом той или иной страны. Результат? Ещё какой! Предельный результат в границах той или иной страны. Или человек взял да и заработал миллиард. Сильно? Очень! Или человек купил остров в прекрасном море. Фантастика? Ещё бы! Эти результаты видны, масштабны и многими-многими понимаемы как награда за труд, везение, наличие таланта и силы. А стало быть, эти результаты завидны и желанны.

Ценность же переживаний таинственна. Она не может быть видна и часто не может быть ПОНЯТНА даже самому переживающему. Часто человек страдает и хочет избавиться от переживаний, которые мешают ему получить радость от результата. Вполне возможно, что страдает президент, если он переживает муки совести и сомнения по поводу достижения предельной должности несправедливым путём. Страдает миллиардер, переживая отсутствие счастья и остро ощущая упущенные любовь и дружбу в процессе приобретения денег. Страдает владелец острова от незнания, какой жизнью

наполнить своё владение. Все они хотят радости в связи с результатами труда. Но переживания мешают им в этом. Вот они и понимают переживания как некую слабость, природный изъян. Они стараются вытравить из себя всякие переживания как то, что лишает их комфорта.

Люди, направленные на результат, тщательно оберегают свою жизнь от переживаний, как люди, пекущиеся о своём здоровье, тщательно избегают сквозняков, держат ноги в тепле и следят за качеством употребляемых в пищу продуктов. Люди, настроенные на результат, тратят большие усилия и огромные деньги на свою душевную или, я бы сказал, переживательную безопасность. Именно поэтому они так стремятся всё либо заработать, либо купить на заработанное. Купить, чтобы как минимум не ощущать, что они хоть кому-то что-то должны, поскольку чувство долга, долженствования — это одно из самых сильных и трудных переживаний.

Не потому ли люди, добившиеся значительных внешних результатов, покупают себе окружение в виде свиты, заменяя этим дружбу, которая всегда требует переживаний и долженствования. Покупают женщин, заменяя тем самым любовь, которая сокрушает мощью переживания все видимые смыслы результатов.

Результативный человек почитаем в обществе. Он понимаем обществом как сильный, а сила давно и неизменно в почёте. Способность человека переступить через моральные

устой, правила и даже через других людей, если эта способность приводит к результату, находит оправдание в обществе и даже в тех людях, через которых переступил сильный человек. Эта сила чаще всего понимается как отказ от переживаний – нечувствительность.

Человек же переживающий, сомневающийся, страдающий, да к тому же своими переживаниями вносящий сомнения в других людей, в общество... понимается этим обществом, как непонятный и тем самым неприятный, неудобный, если хотите. Таково по большей части отношение современников к художнику (в самом широком смысле этого слова). А человек, который создаёт подлинное искусство, то есть настоящий художник, всегда таков. Он адресует всего себя сопереживанию, переживая и чувствуя жизнь сам много острее остальных.

Не желающие же переживать люди объясняют суть художников их слабостью, скверным характером, нежеланием по-настоящему трудиться, алкоголем, наркотиками и прочими понятными, а стало быть, успокаивающими причинами. Общество стремится объяснить само себе суть художника простыми, если не сказать банальными, причинами.

Человек, создающий искусство, непонятен тем, кто ценит результат и ставит его превыше всего остального. Человек результата не может ценить переживаний.

И художник непонятен обществу, направленному на результат ещё и потому, что он берётся за НЕДОСТИЖИМОЕ!

Художник ставит перед собой недостижимую задачу – постижение сути человеческой жизни и пребывания человека в этом мире. Подлинный художник рвётся к Богу, понимая невозможность этого прорыва и уж тем более закрепления его за собой. Художник становится на путь, полный переживаний, понимая, что никакого окончательного результата быть не может. Тем самым путь художника, способ существования его в этом мире, вся его жизнь противоречат ценностям общества, в котором торжествует результат.

Мы, конечно, знаем много примеров того, как люди, формально относящиеся к художественной деятельности, люди, которые пишут книги, снимают кино или творят то, что называется «современным искусством», ощущают себя равными Богу. Да что там?! Они ощущают и считают себя богами. Создателями! Они сами толкуют и трактуют свои произведения как божественные. Они рады находиться над своим временем и над современными им людьми. Они понимают каждое своё творение как недостижимый для остальных результат. Этот результат непонятен людям – тем и велик.

Такие «боги» занимаются изобретением целой системы ловушек. Они жонглируют весьма причудливыми и цветными предметами. Они загадывают людям загадки и придумывают условия, чтобы разгадывание этих загадок считалось в обществе делом престижным и даже полезным. Они называют свои загадки искусством. Они с высоты своих черто-

гов поощряют людей отгадками, подводя их к простейшим и очевидным выводам через сложные лабиринты и путаницу кажущихся глубокомысленными рассуждений и сентенций.

А люди радуются, получив ясный и однозначный ответ, пройдя через дебри и полосу препятствий, каковыми и являются в массе своей произведения современного искусства, будь то причудливые перформансы, инсталляции и выставки или «литературные» тексты, наполненные ребусами, историческими аллюзиями, параллелями, символическими хитросплетениями и массой цитат. Они радуются тому, что что-то поняли из увиденного, услышанного или прочитанного. Потрудились и поняли. При этом то, что они поняли, им и без того было известно. Это успокаивает и тем самым радует ещё больше. Успокаивает в смысле, мол: «Мы поняли искусство. Мы потрудились и поняли. А стало быть, этот вопрос теперь для нас закрыт, можно спокойно жить дальше. Мы убедились, что живём правильно и полноценно».

Современные «художники» высокомерно радуются, глядя на такую реакцию. Им нравится заблуждение общества на их счёт. Их радуют любые заблуждения. Полное отторжение и неприятие их тоже радует. Всё, что их убеждает в собственном величии, приносит им радость. Они питаются этим. Они опасаются только одного – быть разгаданными и разоблачёнными. Они стараются быть на дистанции, не соприкасаться с живой, подлинной и современной им жизнью. Они изо всех сил стремятся быть не похожими на обычных

людей. Они творят свой образ как отдельный и непостижимый, не догадываясь о том, что успокаивают общество на свой счёт, поскольку общество относится к ним со снисходительной улыбкой, понимая их как забавных, необычных, странных, порой заумных, но далёких от нормальной жизни клоунов. Такие «современные художники» не могут всерьёз и по-настоящему взволновать, обеспокоить и вызвать сильные переживания у современников, потому что они, то есть «современные художники» и их современники, интересуются друг другом и жизнью друг друга одинаково, то есть не интересуются друг другом вовсе.

Подлинный же художник всегда со своими современниками. Он рвётся к людям! Он не может без них. Он ценит человека в себе и, как следствие, в других. Поэтому он неотделим от людей. Он не теряет надежды на человека и всегда страдает от ощущения неуслышанности и одиночества. Его ничто не может успокоить. Ничто и никто! Художник, зная себя лучше, чем других, страдает от этого, понимая, что он худший из людей. Он знает, что именно он не может ни в чём до конца разобраться. Это он постоянно переживает и не может успокоиться, это он всё время мучается и мучает всех, с кем живёт и с кем свела его судьба.

Единственное, что оправдывает его существование в мире – это его искусство. Но это оправдывает его в глазах других людей. В его же собственных он не находит себе оправданий

и в искусстве. Потому что он-то знает, что искусство ему не принадлежит. Подлинный художник знает, что он раб этого искусства. Раб, рвущийся к Богу, который, наделив художника искусством, рабом его и сделал.

Только надежда на людей и любовь к человеку удерживают настоящего художника в этой жизни и дают ему силы творить, то есть оставаться художником. Как только эти надежды и любовь иссякают – художник умирает. Точнее, искусство умирает в художнике. Именно поэтому настоящий художник всегда подлинно современен. Он любит и надеется на своего современника. Он живёт со своими соотечественниками и современниками одной жизнью. Утратив эту способность, он лишается своей сути.

Исключительно по этой причине, то есть по причине утраты надежды и любви к своему современнику, мы видим так много злобных и безумных старцев, некогда бывших дивными создателями настоящего искусства.

Искусство, находящееся внутри человека-художника, создаёт в нём непреодолимое чувство долга. Это долг – создавать искусство, воплощать его, передавать его другим людям в том или ином виде, в виде живописи, литературы, кино...

Художник всегда переживает это чувство. Всегда! Есть в нём замысел нового произведения или нет. Всё равно! Когда его нет, он переживает, что его нет, и страдает. Когда замысел есть, он переживает, стараясь выразить его максимально

точно. Когда замысел воплощён, художник снова страдает от того, что опять нет замысла, а воплощение предыдущего было несовершенным.

Подлинный художник живёт в отсутствии результата. Он не может признать результатом ни одно какое-то своё произведение, ни совокупность таковых. Все его книги, фильмы, картины, симфонии – это только вешки его пути. Пути, который им же очень часто, почти постоянно, подвергается мучительному сомнению как ошибочный или тупиковый.

Художник, настоящий художник, находится в процессе непрерывных переживаний, поскольку живёт вне результата. По этой причине его образ жизни, а вместе с ним и он сам, так непонятны и неудобны обществу, в котором главной целью является результат.

Однако само присутствие художников в обществе и сам высочайший уровень их переживаний, главным образом выраженный их искусством, вносит в общество сомнение в том, что результат – это единственная ценность, к которой нужно стремиться, не отвлекаясь на переживания как на что-то мешающее и лишнее. И хоть мы видим стремительное низведение фигуры и значения художника в современном обществе до периферийных областей, жизни, означенного обществом, всё же художники неутомимо прорываются к своим современникам, создают возможность встречи с искусством и предоставляют её людям.

Если же такая встреча случается, люди, не утратившие

способности и возможности переживать, как раз и переживают то, что не будет отражено ни в биографии, ни в автобиографии. Они переживут то непостижимое, иррациональное, но сильное, чему нет места на пути в поиске результата... То, чему придуманы такие названия, как любовь, надежда, дружба, печаль, счастье в конце концов... То, что наполнит жизнь как процесс единственным и неповторимым смыслом – то есть самой жизнью во всей её непостижимости... Или можно ещё сказать – Богом. Богом в себе самом. Ибо подлинное искусство всегда не про художника, всегда не про автора, но постоянно про человека, всегда про жизнь.

Настоящий художник даже не сможет написать или снять что-то автобиографическое. Он, используя свою собственную биографию, всегда создаст произведение искусства. То есть произведение про всех, то есть про каждого, то есть про человека.

Всё выше мною сказанное можно сформулировать короче: чем больше в жизни человека было подлинных переживаний, тем богаче и ярче его жизнь. Встреча человека с искусством, умение и способность сопереживать, чувствовать искусство, обогащает жизнь, насыщает её, делает её настоящей, нефиктивной. Но, несмотря на то что ценность таких переживаний и таинственна, всё же она открывается тем, кто способен воспринимать и ценить искусство как важнейшую и жизненно необходимую составляющую своего бытия.

Художник же, создающий искусство, живёт в постоянном, непрерывном переживании. Переживание и есть суть его биографии...

Письмо второе

Подлинный художник, настоящий художник, всегда гениален. В этом смысле я отождествляю подлинность и гениальность.

Подлинность не имеет изъянов, подлинность цельна, однородна и совершенна, как кристалл. Таков и гений. Я имею в виду гений, направленный на создание искусства. (Гении есть и среди учёных, врачей, философов. Гениями умудрялись называть политиков и военных. Даже злодеев.)

Гений всегда предан искусству, сознавая, что он на искусство обречён, как призванный к служению воин. Любое отступление гения от искусства понимается всеми, а главное, им самим как предательство, как дезертирство. А служение искусству – это всегда сражение и борьба. Это непрерывный бой со всем, что мешает искусству. То есть это борьба со всем, что есть в подлинном художнике человеческого. Это борьба невыносимо трудна, потому что художник всегда и прежде всего – человек. А человеческое постоянно мешает искусству в художнике.

Но именно человеческое и не отрывает гения от людей, жизни, общества, сообщая художнику потребность в высказывании в виде произведения того или иного искусства. Человеческое в гении позволяет ему создавать произведения,

которые могут быть восприняты другим человеком, произведения, которые могут быть поняты людьми. И не просто людьми, но современными художнику.

Утративший потребность быть понятным людям, лишившийся необходимости высказывания гений уходит в те сферы существования духа и разума, в которых ему никто не нужен. Потеряв же необходимость в других людях, гений и сам теряет человеческие признаки. Он, в сущности, перестаёт быть человеком. То, что тогда происходит в его сознании и душе, остаётся не известным никому. Теряя интерес к человеку, теряя веру в человека, художник теряет человека в себе и перестаёт быть художником, уходя в высшие, как ему кажется, сферы и пространства.

Но пока гений – художник, он прежде всего – человек.

Он слишком человек!

В смысле не сверхчеловек, а в смысле слишком земной. Он из плоти и крови. Он живое и конкретное существо, деятельность и переживания которого всё время как бы противоречат этой конкретике. Художник неуёмен в своих переживаниях, хотя и является человеком, для которого переживания иррациональны, неудобны и мешают нормальной социальной человеческой жизни. Поэтому художник чаще всего слышит: успокойся, остановись, отдохни. Да он бы, как человек, и остановился бы, с радостью! Он отдохнул бы. Вот только он не умеет этого делать. Он не знает, как можно отдохнуть. Не знает, как можно прервать переживания в себе.

Художник не знает, кем он будет без переживаний. Ещё он боится, что ему может понравиться жить без переживаний и стать просто ремесленником, который сумеет комфортно прожить, продолжая изображать из себя художника, то есть продолжая сочинять книги или фильмы, пользуясь наработанными навыками и опираясь на привычку что-то сочинять и писать.

Подлинный художник слишком много видит примеров такого ремесленнического существования. Художники видят, что ремесленники благополучны, успешны и безмятежны. Но такие примеры видятся художнику как самые страшные и неприемлемые. В них настоящий художник видит непростительное предательство самих основ искусства как служения. Для подлинного художника ремесленничество страшнее смерти и позорнее предательства.

Так что даже самая искренняя и доброжелательная попытка успокоить художника, помочь ему в успокоении бессмысленна и даже пагубна. Художнику, гению, вообще невозможно помочь. Точнее, невозможно помочь художнику в человеке. А вот человеку помочь можно.

Художника можно любить. Любовь ему необходима – он же человек! Успокоить нельзя – он же художник!

Именно человечность (человекообразность), плотскость и все человеческие признаки гениев не давали и не дают современникам возможности признать подлинного современ-

ного им художника гением. Он для них слишком человек, чтобы быть осознан как гений. Этому мешает то, что у него есть рост, вес, имя, адрес, паспорт, тембр голоса, он ест, пьёт, имеет желания, он кому-то друг, муж, коллега, сосед... Он человек, как все! С какой стати он – гений? Да, он талантлив, может быть, весьма талантлив, может быть, очень-очень талантлив... Но гений? Нет! Гении – это Шекспир, Моцарт, Пушкин, Достоевский... А тот, кто живёт рядом, тот, который родился на несколько лет раньше или уж тем более позже меня, не может быть гением. Да, он, может быть, сделал и делает что-то замечательное... Но гениальное?... Да с чего бы это!

Конкретность человека в подлинном художнике не позволяет современнику признать за ним гениальность.

А художник во всём, кроме своего искусства, – человек. Наивно ожидать и требовать от художника даже неперменного ума! Как человек, художник не умнее своих зрителей и слушателей. И не обязан быть, он же человек. Ум – это человеческое качество. Талант, гениальность, жажда создавать искусство – это качества божественные, таинственные и не обязательно связанные с умом.

Но, когда мы читаем книгу или смотрим фильм, мы всегда предполагаем, что автор обладает, точнее, должен обладать, умом большим, чем у нас, зрителей, читателей, слушателей. Иначе с какой стати нам тратить своё время на его книгу, фильм, на его музыку. (Это если мы имеем дело не с развле-

кательным кино или книгой. В случае развлечения нас фигура автора вообще мало интересует.)

Когда мы прикасаемся к произведениям классиков, мы не подвергаем их ум сомнениям. Предыдущие поколения доказали их авторитет и значительность. В случае же с современниками мы часто опасаемся и не доверяем живущим с нами в одном времени художникам. Нам трудно признать, что далеко не совершенный, проживающий с нами в одной стране и времени, а стало быть, чуть ли не за стенкой, человек может быть художником уровня классика и способен создать безупречное произведение искусства, которое надо просто открыто и без недоверия воспринять.

Нам это трудно. Как художнику мешает в служении искусству его человеческая и приземлённая природа, так и нам она мешает признать его, художника, значение и масштаб.

Если мы знаем, что художник носит дешёвый пиджак, который ему явно не идёт, или, наоборот, дорогие часы, которые ему не должны быть по карману... Если мы из прессы знаем, кто его жена и как она выглядит, а выглядит она, по нашему мнению, пошло и безвкусно, или, наоборот, она слишком хороша и сексуальна... Если мы узнаём, что художник страстный футбольный болельщик или, наоборот, равнодушен к спорту и его фигура говорит об этом... Если, в конце концов, до нас доходят слухи о том, что на прошлой неделе художник совершил какую-то нелепость, сказал глупость или был замечен в неподобающей, на наш взгляд,

компании, мы тут же себя успокаиваем. Успокаиваем в том смысле, что не читали его книг, и не будем, не смотрели его кино, и не станем. Или что-то смотрели, что-то читали, но не закончили, не досмотрели, потому что было трудно. Так и не будем дочитывать и досматривать. Не надо нам этого. Что этот человек может нам сказать?

Это теперь нас удивляет и не укладывается в голове, как могли допустить, чтобы какой-то современник стрелял в Пушкина! Как такое могло прийти современнику в голову? Как другие современники такое позволили? Мы знаем, конечно, что стрелявший был француз и мерзавец, что друзья Пушкина пытались его уберечь... Значит, мало пытались, говорим мы. Они что, не понимали, что это ПУШКИН! Как его жена могла ему изменять или допустить хотя бы подозрение на измену? Это же был Александр Сергеевич!!! Мы бы такого не допустили.

А как современник мог стрелять в Лермонтова? Да, Миша был, как говорят его современники, неприятный и желчный... Терпеть надо было!!! Терпеть, Мартынов! Он что, не понимал, кто перед ним?... Получается, что не понимал. Или понимал, но не до конца. Или понимал всё, но не смог сдержаться... Перед ним же был живой и современный ему человек.

Поэтому обижали Шекспира, мучили Сервантеса, отравили Моцарта... Издатели обманывали гениальных писателей, современные гениям критики писали злобные глупости,

Толстого отлучили от церкви... Тарковскому не давали денег и плёнки на фильмы... или давали, но недостаточно, и терзали его за уже даденное, требовали сокращения его картин как на Родине, так и в Италии, и в Швеции. Они что, не понимали, что ему нужно было отдать всю плёнку, какая только была, и даже ещё больше. Значит, не понимали!!! Современники!

Современники не отделяли искусство художника от человека-художника, приписывая человеческие слабости, отсутствие житейских навыков или, наоборот, жизненную прагматичность и смышлённость, то есть все человеческие признаки художника, его искусству. Они смешивали искусство с живым человеком, его творящим, и успокаивались, не впуская в себя те переживания, которым и адресовано было искусство художника.

Современники старались понять человека, рядом с ними живущего, ошибочно думая, что при этом понимают и его искусство. Вот им казалось и кажется, что они поняли и понимают всё. Всё: и человека, и его искусство вместе.

А человеку и свойственно стараться понять. Понять однозначно! Такое понимание и есть результат. Результат ценен. Результат успокаивает.

Искусство же, настоящее искусство, не может быть однозначным. Оно обязательно многозначно. Многозначность

тревожит.

Современникам было невдомёк, что в своём творчестве художник мог и должен быть уверенным, бескомпромиссным, всевидящим, мудрым и, несмотря ни на что, любящим всё и вся... А человеком он мог быть сомневающимся, ошибающимся, тщеславным, закомплексованным, желчным, вспыльчивым, житейски глупым, капризным или даже трусливым. Но современники видели перед собой прежде всего человека и тем самым принижали его искусство. Это очень и очень по-человечески понятно.

Возможно, желанием увидеть в художнике прежде всего живого и земного человека объясняется такая популярность и востребованность разнообразных околохудожественных и псевдонаучных исследований в виде книг и фильмов о жизни и «судьбах» великих художников прошлого.

Люди, увидевшие, например, картины Дюрера, Веласкеса или Брейгеля, услышавшие Чайковского или Баха, прочитавшие Гофмана или Бунина... Люди, в которых искусство этих гениев задело не затронутые прежде переживания, ощущающие тревогу и какие-то чувства, с которыми не в силах справиться, хотят успокоиться и жить, как прежде. Они чувствуют душевную боль от того, что искусство задело давно не тронутые или вовсе не затронутые душевные «струны».

Подобную, только мышечную, боль чувствует человек, который давно или никогда не ходил в спортивный зал. А тут

сходил, позанимался, и наутро болят мышцы.

Но как устранить мышечную боль, мы знаем. Что же делать с душевной болью, которая возникла от встречи с искусством? Да почти то же самое, что и с мышечной. Можно продолжить свои контакты с искусством, и тогда появившаяся боль станет ни с чем не сравнимой, нестерпимой радостью и сутью жизни. Можно, наоборот, прекратить контакты с искусством и подождать, пока боль пройдёт. Но ещё можно принять обезболивающее, то есть взять и как-то понять искусство, понять житейски, однозначно и просто. Такое понимание приносит успокоение. Боль проходит. Что для этого нужно? А например, прочитать биографию Гофмана или Брейгеля, найти там человеческие объяснения его непостижимого гения и его произведений. Объяснения типа: «А-а! Оказывается, его мама в детстве была. Теперь понятно, почему он такое написал» или: «Оказывается, у него мамы вообще не было. А это всё объясняет. Теперь понятно, почему он такое рисовал» или: «Так он же по знаку зодиака Овен. Теперь всё ясно».

Найдётся объяснение искусству, будет найдено и понимание.

Понимание принесёт успокоение. Успокоение – это так или иначе результат.

Результат сладок...

Сладок, как самообман.

Искусство непостижимо, оно не связано с пониманием. Оно погибает от кажущегося понимания. Искусство – это не наука! Искусство не терпит однозначного понимания и трактовки.

Искусство непостижимо даже... а точнее, прежде всего самим художником, в котором оно зарождается и бушует. Настоящий подлинный художник, гений, всю свою жизнь пытается выяснить, что же такое искусство, зная, что ответа на этот вопрос не существует и ответ недостижим. Но он, как я уже говорил ранее, ставит перед собой недостижимые задачи. Он знает, что обречён на то, что не добьётся окончательного результата...

Однако именно художник, гений, создаёт искусство, которое появляется в виде симфоний, романов, стихов, картин и кинокартин... Эти произведения можно счесть результатами, но только гении, подлинные художники, их таковыми не считали и не считают. Гении не писали и не пишут симфоний, но пишут музыку... не пишут книг, но пишут литературу... не рисуют картины, но живопись, не снимают фильмы, но снимают кино... ставят не спектакли, но делают театр...

Это отказавшиеся, оторвавшиеся от настоящего искусства изменники или работающие и активные бездари снимают фильмы, пишут песни, рисуют картинки, сочиняют книжки.

Так и настоящие пастыри всю жизнь идут к Богу. Идут

смиренно, но неотступно, ведут за собой, ничего никому не гарантируя и даже не обещая... А кто-то строит церкви.

Письмо третье

В самом желании и стремлении понять искусство, сделать из прочтения или просмотра того или иного произведения искусства вполне определённый вывод содержится изначально-ная ошибка, изначально невозможность постижения произведения во всём его объёме и во всей его цельности.

Часто, очень часто можно увидеть несогласие читателя или зрителя с открытым или многозначным финалом. Человек скорее согласится с гибелью героя в конце книги или фильма, чем с остановкой героя на распутье. Человек хочет, закрыв книгу или выходя из кинотеатра, уйти в свою жизнь прежним, оставив как радости, так и случившиеся слёзы позади. Поженились персонажи – хорошо, развелись – прекрасно! Победили в бою – замечательно, проиграли и погибли – жаль, но так тому и быть. Книга или фильм закончились – живём дальше, всё понятно.

Искусство же претендует и рассчитывает на другое. Искусство ждёт сопереживания, соучастия, если хотите. Искусство желает быть унесённым в жизнь, жаждет в эту жизнь проникнуть, эту жизнь изменить, хочет ворваться в сны человека... или даже лишить его сна... хоть на какое-то время.

Подлинное и настоящее искусство всегда и непременно рассчитывает на сильные переживания, потому что искусство всегда и непременно обращено к лучшему в человеке.

Оно всегда и непременно гуманно! Если это не так, если книга, кинокартина, живописное полотно, спектакль обращаются к худшему в человеке, унижают человека, как зрителя, так и персонажа, если рассчитывают не на сопереживание, а на эмоции, то есть на страх, удивление, отвращение и прочее, то это не искусство. И всё живое и прекрасное в человеке, сделавшем такое «произведение», либо погибло, либо не успело родиться, было задушено фиктивными, но конкретными желаниями и страстями.

Но когда человек, способный, могущий сострадать и сопереживать, способный открыться и встретиться с искусством... Когда происходит встреча такого человека с настоящим искусством... Когда человек, закрыв книгу или выйдя из кинотеатра, не находит себе места, не может успокоиться, не в состоянии понять тревожных своих переживаний, не может, а главное, не хочет остановить душащие его слёзы, когда чувствует недостаток воздуха...

Когда человек после встречи с искусством вдруг чувствует непреодолимое желание обнять и расцеловать мать, поговорить с отцом или сходить к родителям на могилы... Когда человек, вернувшись с концерта или со спектакля, идёт в детскую комнату и садится рядом со спящим своим ребёнком, не в силах понять и превозмочь волну невиданной нежности к своему чаду, которому, и это вдруг человеку становится ясно, так мало уделял времени и любви, а тут вдруг захотел трогать его, уберечь от всего-всего, что непременно

но ждёт дитя во взрослой жизни... Когда взрослый и внешне уверенный человек рыдает под душем от внезапно обрушившегося на него сомнения в собственной силе, правоте и безупречности, когда он вдруг чувствует себя беспомощным и незащищённым... Когда люди после фильма не могут расстаться, боясь остаться в одиночестве... Когда после неожиданно попавшего в самое сердце стихотворения кто-то звонит другу или подруге, вдруг со всей ясностью осознав полное безумие затянувшейся ссоры... Когда кто-то прямо во время фильма осознаёт остроту и ценность жизни, а также безвозвратно ушедшие годы – юность, молодость, детство... осознаёт, как мало сделано, как много упущено и как мало, в сущности, осталось. Но тут же через мгновение, глядя тот же фильм, человек обретает маленькую, но звенящую надежду и желание что-то ещё сделать...

Когда встретившийся с искусством человек вдруг пожалеет себя... Всех остальных, весь мир, но прежде всего самого себя!.. Свою непонятную, непостижимую, трудную, запутанную, но именно свою жизнь пожалеет... Ничего не поймёт!.. Не поймёт даже, что с ним вдруг стряслось... Вроде бы просто книжку читал, кино смотрел... А тут такое!!! Такое переживание, такая боль...

Не поймёт!.. Но именно то, на что рассчитывал автор и искусство, которому он служит, с человеком и случится!!!

Человек в момент таких переживаний об авторе-худож-

нике, конечно, не думает. Человек забывает о нём. Или он может даже гневаться на художника за неожиданную боль.

Не думает человек о художнике... Он думает о себе, о своей жизни.

Автор показал и описал в произведении свою мать, а человек видит свою. Автор показывает своё детство, а человек оказывается в своём. Искусство помогает... А точнее, искусство открывает человеку не автора, а себя самого.

Какое тут может быть однозначное и окончательное понимание??? Кто может окончательно и однозначно понять самого себя?

«Над вымыслом слезами обольюсь» – вот самое простое и точное определение искусства.

Человек знает, читая книгу, глядя спектакль или кинокартину, что имеет дело с вымыслом, со сделанным другим человеком произведением, но испытывает при этом подлинные и сильнейшие переживания. Как объяснить то, что документально зафиксированная смерть реального человека или присутствие при смерти вызывает у свидетеля меньшие переживания и сопереживания, чем смерть вымышленного героя книги или фильма. Настоящая смерть может вызвать сильнейшие эмоции, вплоть до обморока, как отказа от дальнейших эмоций... Но художественный образ смерти может вызвать глубочайшие или высочайшие переживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.